

Коллеги, здесь материалы и вопросы по прочитанной вчера лекции по Чаадаеву.

Чтобы серьезно, с пониманием предмета, вникнуть в христианское по сути мировоззрение, антропологию (учение о человеке и обществе) и историософию Чаадаева, рекомендую внимательно прочесть о его концепции у замечательного историка русской мысли Василия Васильевича [Зеньковского](#) (особенно вторую часть данного раздела — историософию)

Кроме того рекомендую (тем кто выдержит) статью [Тесли](#) на сайте «Гефтер». При этом обращаю внимание на то, что по концепции Тесли Чаадаев не изменил своих взглядов (само название статьи свидетельствует об этом). Я с этой точкой зрения не согласен и скорее мои взгляды по данному вопросу на стороне Зеньковского — о резком изменении чаадаевского отношения к России и её миссии в будущем, начиная примерно с 1835 года. Все же статью очень рекомендую прочитать и-за большого количества интересных биографических фактов, а главным образом из-за обилия значимых цитат из Чаадаева и других его современников, как оппонентов, так и союзников.

Ну и то, что обещал: Владимир Сергеевич Соловьев о Конте. Удивительно, что глубоко христианский мыслитель Соловьев, историософия которого во многом смыкается с чаадаевской, с такой любовью и пониманием относится к «нехристу Конту», как нежно называл его Соловьев. равно как и к его позитивизму, который Соловьев называет, наряду с рационализмом, «односторонностями», хотя и исторически обусловленными. Прошу при чтении подумать о параллелях между учениями Чаадаева и Конта, разных исходных (христианская философия у Чаадаева и антиметафизический позитивизм Конта) и совпадениях, если они есть: Здесь я имею ввиду прозападную историософию Чаадаева и европоцентристский взгляд Конта с его учением о трех фазисах развития «Человечества». Кроме того, я всегда полагал, что биография и тип жизни много раскрывают нам о том или ином авторе и зачастую меняют точку зрения о нём.

Итак, прошлогодний пост, который я уже высылал студентам, изменять не хочу и посылаю как было....

Коллеги

Хоть я и не историк и вроде не обязан, но теоретическая совесть заставляет писать меня это письмо к вам. Я должен кое-что объяснить и попросить прощения за некоторые ляпы по ходу лекции. Я не знаю точно каким образом регистрировалось рождение ребенка в республиканской постреволюционной Франции, т.е. сразу после революции 1789-94 гг. «В паспорте Конта стояла такая дата....», - я произнес эту фразу в лекции больше для образности. Но уж точно, что регистрация рождения ребенка скрупулёзно производилась, и довольно серьезно. Но все это не так важно для смысла, и это письмо я пишу вовсе не за тем, чтобы просто извиниться — я пишу его, дабы выправить наше мышление и конкретизировать его существенными фактами личной биографии и некоей манией величия Конта, что, конечно, связано с его психическим заболеванием. И конечно для того, чтобы словами Соловьева показать, какую

печать на интеллекте и родословной Конта наложил факт его рождения в столь необычное время. И так, не с точки зрения истины, а с точки зрения смысла....
Итак...

Владимир Соловьев уже в 21 год написал глубокую магистерскую диссертацию по позитивистам, в первую очередь по Конту. А в лекции, прочитанной уже зрелым философом Вл. Соловьевым за два года до его смерти в высоком публичном собрании Философского общества при петербургском университете, 7 марта 1898 г., по случаю столетней годовщины рождения Августа Конта, *он, в частности, говорит (далее текст лекции):*

Мы теперь считаем 1898 год по Рождестве Христове. Хотя Конт родился сто лет тому назад, однако, год его рождения был не 1798-й по Рождестве Христове, а 7-й год некоей новой эры, **нарочно перед тем установленной, чтобы внешним знаком отметить, что человеческий ум окончательно и внутренне разорвал прежнюю связь с христианством** (Речь идет о новом календаре, введенном декретом Конвента от 5 октября 1793 г. Исходной датой был избран день провозглашения республики — 22 сентября 1792 г. Год делился на 12 месяцев по 30 дней, по истечении которых шли 5 (или 6 в високосный год) дополнительных дней. По данному календарю Конт родился 30 нивоза 6-го года (а не 7-го, как написал Соловьев. **Нивоз** (фр. *nivôse*, от лат. *nivosus* — снежный) — 4-й месяц (21/23 декабря — 19/21 января) — моя вставка — В.Кудрявцев). . Хотя революционный календарь, просуществовав 12 лет, был скоро отменен и забыт, **но означавшийся им разрыв был принят Контом, вместе с большинством его современников, как совершившийся факт, нормальный и бесповоротный. Вот, значит, первое историческое условие Контовой мысли: она выросла на почве отрицательного отношения к христианству. Но это условие само по себе слишком обще — в нем нет ничего характерного и оригинального. Оригинальность уже является в том, что отрицательное отношение к христианству соединяется у Конта с отрицательным же отношением к революции.** Когда Конт заканчивал во всех подробностях свой план нормального общественного строя, он не вернулся в христианскому календарю, но не принял и календаря революционного, а сочинил свой собственный, откуда хотя исключен Христос, но куда введены с почетом апостол Павел и многие другие святые не только западной, но и восточной церкви (напр. Афанасий Великий, Василий Великий, Иоанн Златоуст), и не допущен ни один из вершителей французской революции, представленной в этом календаре лишь одною из ее жертв — химиком Лавуазье.

В другом месте В.С.Соловьев подробно пишет, и вовсе не для распространения сплетен, а чтобы лучше понять истоки и психологию писаний основателя позитивизма и социологии из его личной биографии:

... Личная жизнь Конта во время его молодости была беспорядочна; в 1818 году он сошелся с женщиной значительно старше его, от которой имел дочь; в 1821 году он познакомился в одном увеселительном заведении с молодой особой легкого поведения, Каролиной Массен, с которой потом вступил в гражданский брак (1825 г.). Эта женщина отличалась замечательными умственными способностями и сильным характером, но вместе с тем, по свидетельству Конта, подтверждаемому

ее позднейшим поведением, ей не доставало женственности, сердечности и нравственного чувства. Разойдясь с сен-симонистами, Конт решил упрочить свое положение в ученом мире. К этому его поощрял успех его вышеупомянутого сочинения, которое заслужило одобрительные отзывы, между прочим, от Гизо, Брольи, Сэ, Карно, Ламеннэ и Гегеля. В апреле 1826 г. Конт открыл в своей квартире курс позитивной философии перед учеными слушателями, в числе которых находились такие знаменитости, как Александр Гумбольдт, Блэнвилль, Пуансо, Бруссэ. После третьей лекции Конт заболел умопомешательством, в припадке которого убежал из Парижа в Монморанси. Главной причиной болезни было, по-видимому, чрезмерное напряжение умственной деятельности; ускорению кризиса способствовали домашние неприятности с женой, возбуждавшей (быть может, невинно) ревность Конта. Отыскав его в Монморанси, она едва не утонула в озере, куда он ее бросил в припадке бешенства. Помещенный сначала в психиатрическую лечебницу Эскироля, он скоро был взят домой на попечение жены и матери. Дома он стал выздоравливать и, по настоянию матери, вступил в церковный брак с Каролиной. По временам к нему возвращались припадки умоисступления, в один из которых он бросился в Сену, но был спасен. В августе 1828 г. наступило полное выздоровление, а в январе 1829 г. он возобновил и в том же году окончил свой приватный курс позитивной философии, который затем повторил публично перед более обширной аудиторией. В 1830 году Конт подвергся нескольким дням ареста за отказ поступить в национальную гвардию (при Луи-Филиппе), мотивированный его республиканскими убеждениями. В 1832 и 1833 годах он безуспешно обращался (лично и письменно) к министру народного просвещения Гизо с просьбой учредить для него кафедру общей истории математических и естественных наук. Гизо, успевший забыть свой прежний благоприятный отзыв о первом сочинении Конта, отзываясь в своих записках об основателе позитивизма как о добросовестном и убежденном, но ограниченном и полоумном фанатике. В 1835 году Конт был защитником республиканца Марра (Marrast) в известном политическом процессе; но в сущности он считал настоящим путем общественного прогресса распространение научных знаний в народе и с этой целью, вместе с некоторыми другими учеными, основал еще в 1830 году Association polytechnique, которая должна была устраивать даровые популярные курсы точных наук для рабочего населения Парижа. На свою долю Конт взял курс астрономии, который и читал в течение многих лет. В это же время он печатает свой «Cours de philosophie positive» (I т. в 1830 г., последний, VI, в 1842 г.). Во время обработки этого сочинения он намеренно воздерживался от чтения книг, прямо относившихся к занимавшим его предметам, а также совсем не читал газет и журналов (хотя бы ученых), называя такое воздержание «мозговой гигиеной»; зато он занимался своим эстетическим образованием, прочел в подлиннике главных поэтов латинских, итальянских, испанских и английских и усердно посещал оперу и концерты. Кроме частных уроков, Конт получил в это время место репетитора, а потом экзаменатора в политехнической школе и мог жить безбедно. Старания его проникнуть в академию наук остались безуспешны. 1842-й год был роковым в жизни Конта. Окончив свое главное философское сочинение, он сосредоточил все свое внимание на вопросах религиозно-политических, что повело его к созданию «позитивной религии» и к притязаниям на первосвященническое достоинство. В том же году он вступил в открытую борьбу с коллегами своими по политехнической школе (вследствие помещенной им в предисловии к последнему тому «Курса позитивной философии» бранной выходки против знаменитого Араго), что вскоре привело его к потере места и к необходимости пользоваться час-гной благотворительностью. Наконец, в том же году он разошелся со своей женой, что косвенно также повлияло на его судьбу. Три английских читателя «Курса позитивной философии» (между

ними Дж. Ст. Милль), узнав о стесненном положении Конта, прислали ему значительную сумму денег. Конт счел такую субсидию за выражение «общественной обязанности» по отношению к его «нравственной магистратуре» и потребовал ее возобновления на следующий год. Когда это требование было отклонено, он обратился с циркуляром к приверженцам позитивизма на всем «Западе», требуя материальной поддержки для себя, как главного органа нового учения. Подписка, вскоре после этого устроенная Литтре, достигла цели и повторялась потом ежегодно.

В апреле 1845 г. Конт познакомился с Клотильдой де-Во (de Vaux), женой одного лишенного прав преступника, и вступил с ней в тесную (платоническую) связь. Это была 30-тилетняя женщина, обладавшая всеми теми качествами, которых недоставало г-же Конт. Близкие сношения Конта с Клотильдой, которая решительно удерживала за ними чисто идеальный характер, продолжались ровно год, до ее смерти, после чего восторженная любовь Конта к этой женщине перешла в мистический культ, сделавшийся настоящей основой новой «позитивной» религии. Лично для Конта «алтарем» этого культа было (и называлось) кресло, на котором обыкновенно сидела Клотильда, когда посещала его жилище. Совершавшиеся трижды в день молитвословия состояли обыкновенно из соединения стихов и изречений итальянских, латинских и испанских. **Хотя сама Клотильда, исполнявшая, впрочем, обряды католической церкви, не была, по-видимому, верующей, но душевный переворот, происшедший в Конте под влиянием знакомства с нею, а потом ее смерти, выразился главным образом в перемещении центра тяжести его жизни и мыслей из научной сферы в религиозную. Такой характер имеет второе его большое сочинение, которое он сам считал главнейшим своим трудом – «Système de politique positive» (4 тт, 1851 – 1854 гг.). Политическое и социальное преобразование народов ставится здесь в зависимость от новой религии человечества, первосвященником которой объявляет себя сам Конт. Зародышем этой новой организации является основанная Контом (в 1848 г.) Sociйtй positiviste. Все решительнее выступая в роли первосвященника, Конт обращается с предложениями и советами к русскому и императору Николаю I и к великому визирю Решид-паше, но с особенной настойчивостью старается привлечь на свою сторону орден иезуитов. Находившийся в Италии ученик Конта, Сабатье, получил предписание вступить с генералом ордена в переговоры на следующих основаниях: 1) иезуиты отказываются от этого имени и принимают название *игнация н*, 2) генерал ордена официально провозглашается главой католической церкви и переселяется в Париж, оставляя папу князем-епископом Рима, 3) «игнациане» вступают с позитивистами в религиозно-политический союз для искоренения протестантства, деизма и скептицизма и для преобразования всего человечества на общих католическо-позитивных началах, и 4) публичное открытие совместных действий назначается на 1862 или 1863 г. **Отправленное к генералу ордена, Бексу, письмо в этом смысле осталось сначала без ответа; Бекс даже не слышал до тех пор имени Конта, а ассистент его думал, что речь идет о публицисте Конте. Когда дело разъяснилось, Конту было сообщено, что иезуиты, как монахи, не занимаются политикой, а как христиане – не могут иметь религиозной солидарности с людьми, отрицающими божество Христа.** Конт не потерял, однако, надежды и заявил, что все-таки намерен вскоре написать воззвание о союзе с «игнацианами». В письме к Сабатье он удивляется отсталости иезуитских начальников, «*н е* понимающих неизмеримого превосходства Игнатия Лойолы перед Иисусом»; для вразумления их он посылает генералу Бексу некоторые из своих сочинений, которые тот оставил неразрезанными. Все это происходило в последний**

год жизни Конта (1857 г.). Смерть его была ускорена нравственными причинами. Еще в 1852 году он разошелся с главным своим учеником, Литтре, который, принимая всецело его позитивную философию, не захотел следовать за ним по мистическому пути его позднейшего учения. В 1855 году отношения обострились вследствие составленного Контом завещания, где были пункты, оскорбительные для его жены, за которую вступился Литтре. В мае 1857 г. Конт заболел. Когда он стал поправляться, Литтре пришел к нему для переговоров о завещании. Конт ни в чем не уступил и был чрезвычайно расстроен этим посещением; он объявил, что не желает никогда больше видеть Литтре, и отзывался крайне враждебно о нем и о своей жене. Через несколько дней после этого с ним сделался удар. 5 сентября, утром он почувствовал облегчение и пожелал остаться один; когда к нему вошли, то нашли его распростертым перед «алтарем Клотильды», а вечером того же дня он тихо скончался. Г-жа Конт после смерти мужа выказала большое неуважение к его памяти, завладела его жилищем, выгнала преданных ему людей, выбросила его реликвии и впоследствии оспаривала судебным порядком его завещание, доказывая, что он последние 12 лет жизни был умалишенным, на чем настаивал и Литтре. Суд не нашел это мнение основательным и утвердил завещание Конта (за исключением пунктов, оскорбительных для чести г-жи Конт).

ПС. Я решил, что написание вами эссе в рамках второй внутрисеместровой аттестации скорее всего будет посвящена Чаадаеву или сравнительному анализу учений Чаадаева и Конта (в самом широком смысле).

В.А.